

Константин Аксаков

**О некоторых
современных собственно
литературных вопросах**

Константин Аксаков

**О некоторых современных
собственно литературных вопросах**

«Public Domain»

1839

Аксаков К. С.

О некоторых современных собственно литературных вопросах /
К. С. Аксаков — «Public Domain», 1839

ISBN 978-5-457-13470-6

«Искусство составляет одну из высших сфер деятельности духа. Эта сторона искусства не есть что-то отвлеченное, мечтательное, безразличное; напротив, она заключает в себе многие области, заселенные живыми, конкретными образами. — Чудная страна!..»

ISBN 978-5-457-13470-6

© Аксаков К. С., 1839
© Public Domain, 1839

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Константин Сергеевич Аксаков

О некоторых современных собственно литературных вопросах

Искусство составляет одну из высших сфер деятельности духа. Эта сторона искусства не есть что-то отвлеченное, мечтательное, безразличное; напротив, она заключает в себе многие области, заселенные живыми, конкретными образами. – Чудная страна! В ее светлых садах высятся храмы и колонны, блестят чистые формы статуй, виднеются лица, веселыми рдеют щеки, сверкают очи; и горы, и леса, и реки, и утро, и полдень, и вечер блещут отовсюду на живом полотне; не пуст, не безответен там воздух. Он наполняется звуками; в разлетающемся молчании слышно таинственное пение; музыка, кажется, довершает все, чего недоставало в этой чудной стороне; но здесь еще нет слова, слова, охватившего всю природу, весь мир ее бытия. Но как ни прекрасны эти области искусства, есть еще одна, которая сама заключает в себе целое особое царство образов; эта область – венец искусства; там все уже живет и движется, там нет пределов, нет границ творчеству; это поэзия, раскрывающая перед нами новый мир, простирающаяся над всеми веками, над всеми формами искусства. Чуден мир этот, вечно ясен, лежит он над жизнью человека; отчаянные вопли, борьба случайностей, стечение тяжелое обстоятельств не долетают до него. Горе, отчаяние там является просвежительным и не отягчает, а возвышает душу.

Великий поэт первый постиг великое значение искусства: отсылаем читателей к глубокому стихотворению «Das Ideal und das Leben». У всякого народа есть область поэзии, есть сфера, где он живет высшею духовною жизнью, – мы говорим собственно о поэзии, об искусстве в слове, которое всегда и везде существовало; жизнь народа в поэзии ознаменовывается произведениями, заселяющими эту область. Словесностью, литературой народа называем мы совокупность его поэтических произведений.

Здесь мы остановимся на минуту, чтобы объяснить недоразумение, могущее возникнуть.

Слово «литература» можем мы употребить или подразумевая под этим, как мы сказали, совокупность произведений поэтических; тогда мы разумеем только истинные произведения искусства, в которых открывается дух народа, произведения, не унесенные потоком времени, имеющие пребывающий интерес. – Или же слово «литература» понимаем мы собственно в современном состоянии, как письменное выражение настоящего направления; тогда входят в нее все произведения, имеющие какое-нибудь отношение к настоящей эпохе, хотя бы они не имели собственного достоинства; здесь современное состояние выражается вообще письменностью: сюда станут ряды книжек и сочинений, часто само по себе обременительных, достоинства не имеющих; входят и книги дельные, но только по их отношению к настоящему времени или назначению, или пользе, или по важности вопроса, а не по своему положительному достоинству; но преимущественно представители современности – журналы. Удачна их преходимость; они должны являться и исчезать, удовлетворяя только настоящей минуте, и на этом-то самом основывается их необходимость, ибо всегда есть настоящая минута, сменяющая и сменяемая и требующая удовлетворения. В журнале не должно быть положительных статей, как зеркало показывает он вам настоящее время в его непрерывном стремлении. Он стоит каждый как кормщик, если так можно выразиться, и указывает вам, где вы теперь. В нем, следовательно, сосредоточивается современность. И, стало быть, критика есть важнейшая часть его; в ней видите вы сознание настоящего времени, она представляет вам точку зрения, перед которой проходят произведения того времени. – Журнал есть явление организованное, все его части покорены одной точке зрения, одной идее,

которая в отделении критики протекает наружу и дает голос. – И хотя журнал есть явление преходящее, но он открывает вам, дает вам возможность заглянуть в тайные глубины духа, из которого созиждется или зиждется новая жизнь, явления которой будут уже не преходящие, но вечные, и потому-то журнал преимущественно есть верное выражение состояния жизни народной, проявляющейся в сфере высшей деятельности, важный представитель литературы, принятой в значении современности, литературы, совокупностью явлений своих показывающей настоящее направление, настоящее состояние духа, действующего в своих бесконечно великих сферах.

Здесь хотим мы поговорить о наших современных литературных вопросах, и, следовательно, здесь принимаемы слово «литература» во втором его значении (сейчас нами определенном).

Что же представляет нам собою наша современная литература? – Перед нами печальное зрелище. Книг вообще выходит мало, еще меньше сколько-нибудь замечательных; их поглотили большею частию толстые журналы, которые виднеются почти одни на литературном поприще. Мы видим, как, поддерживаемые меркантильными расчетами, перекидываются они грязью между собою, мы слышим их крики против науки, против просвещения, против Москвы (журналы издаются большею частию в Петербурге). Справедливость требует исключить отсюда «Отечественные записки» и «Литературные прибавления» в Петербурге, но эти журналы, издаваемые с благою целью и бессильно бесцветные, неорганизованные, представляют сборник сложенных вместе разных статей, не проникнутых единством целого, – и потому лишены энергии. Есть еще московский журнал «Наблюдатель», в котором есть идея, есть энергия; но он выходит медленно и не есть журнал общечитаемый. – До сих пор еще голоса «Северной пчелы», «Библиотеки для чтения», «Сына Отечества» заглушают почти все мнения. В подробный разбор их входить не стоит. Жалко состояние той литературы, где такие журналы имеют возвышать голос.

Таково современное состояние нашей литературы с первого взгляда. Так представляется она нам с внешней стороны. Но эта печальная внешность есть ли соразмерное выражение внутренней сущности нашей литературы? В таком случае мы бы должны были отречься вовсе от истинной литературной деятельности. Безжизненное и мертвое не может быть выражением жизни, а где такая внешность есть точное выражение внутреннего состояния, там уже нет жизни; неужто же у нас нет литературы; неужто же нам суждено проститься с этою благородною деятельностью, когда мы только что ее начали? Нет! – Следующие строки, думаем, могут пояснить и решить эти вопросы.

Когда внешнее (форма) есть соразмерное выражение внутреннего (идеи), тогда перед собою видим мы живое явление, в котором согласно, неразрывно сочетаются обе стороны, явление полное, истинное, ибо форма вполне выражает идею, идея вполне открывается в форме; но как скоро эта гармоническая связь нарушена, тогда явление становится недействительным; внешнее перестает быть выражением идеи, уже не существующей, отвлеченной, и должно исчезнуть, как все ложное. Пока, например, человек жив, пока тело его есть соразмерная форма его души, тогда это явление истинное и тело есть истинная форма человека; но как скоро целостность явления расторгнута, когда человек умирает, тогда тело, бездушный труп, не есть уже выражение улетевшей души; мы видим еще перед собой голову, которая мыслила, грудь, которая вздымалась, или руки, все члены, имевшие прежде живой образ человека, – но человека нет, и образ его, еще имеющий вид жизни, не заключает ее в себе, есть ложь и существовать не должен; тут диалектика вещей выступает со всею силою и обличает ложь: труп гниет; из него самого возникает его разрушающая деятельность, с ним вместе уничтожающаяся.

Этот пример приведен здесь для того, чтобы яснее представить мысль нашу; закон же, в нем проявляющийся, есть закон общий, и ничто не открывает нам его с такою полнотою, как

история: там деятельность духа не прекращается, как в примере, нами приведенном; с разрушением одной устаревшей формы освобожденный дух становится на высшую ступень, из самого себя рождает новую форму и таким образом продолжает свое развитие. — Дух, чтобы перейти в деятельность, должен воплотиться, дать себе форму. История представляет нам это необходимое поступательное воплощение духа (во времени). Всякое выражение во внешнем духе есть его полное истинное выражение, но истинное только как момент: следовательно, оно исчезает, и дух идет далее в своем развитии и только в совокупности (Totalitat) своих конкретных моментов находит себе полное бесконечное выражение. Как скоро форма перестает быть соразмерною внутреннему духу, другими словами, как скоро известное выражение духа низводится до момента, тогда внешнее, форма, перестает быть соответствующей содержанию духа, идущего в дальнейшую степень развития, как ложное исчезает (начинает исчезать) и представляет собою то же, что гниющий труп. Из недр этого самого внешнего выходит деятельность, его разрушающая и уничтожающая его в дальнейших (и ложных) притязаниях на вечное выражение духа.

Между тем когда, с одной стороны, форма разрушается сама собою, дух дает себе новую, ему теперь соразмерную форму; новая идея, сама в себе конкретная, но еще отвлеченно (in abstracto), еще не воплотившаяся (во внешности), начинает переходить в действительность (внешность). — Такое состояние, в котором внешнее (форма) уже не есть соразмерное выражение внутреннего (идеи), а идея еще не имеет столько силы, чтобы перейти в действительность, — есть состояние перехода, результат которого, как всегда, один, что и естественно: то есть ложная, безжизненная, лишенная духа форма исчезнет, и конкретная идея переходит в действительность, из самой себя для себе соразмерную форму.

Вспомним последнее время и падение Римской империи, вспомним падение католицизма и Лютера, вспомним французскую революцию. — Теперь ясно, кажется, что мы подразумеваем под состоянием перехода. С этой точки зрения яснее представляется нам настоящее состояние нашей литературы. Это состояние не действительное, но переходное. С одной стороны, видим мы гниение старой (прежней) формы (внешнего), с другой — идею, еще не давшую себе действительности. Следовательно, в литературе нашей видим мы теперь две стороны, не проникающие взаимно, но, напротив, отвлеченные одна от другой: внешнее оставляется жизнью, разрушается; внутреннее, куда обратились все силы и где производится Inneren (внутреннее содержание (нем.)), едва начинает переходить, но еще не перешло в действительность. Нас не смущает более жалкое состояние нашей (только внешней) литературы; нам оно ясно; мы нимало не ужасаемся, напротив, благодарны и радуемся этому благодетельному гниению, этой многообразной деятельности, возникающей из безжизненной, разрушающейся внешности; теперь нам весело видеть такое количество деятелей (как Г. Сенковский и другие), трудящихся над разрушением старой формы, которая все-таки есть условие их примерного существования. Г-да Сенковский, Полевой, Булгарин, Греч и все прочие подобные, и эта туча одноденок, толпящихся особенно вокруг наиболее гнилых мест, не возбуждает в нас негодования, как в других: мы теперь понимаем их, понимаем их значение и видим их пользу.

Так как литература является перед нами в состоянии перехода и две стороны ее, внутреннее и внешнее, представляются отвлеченными отдельно друг от друга, — то, следовательно, мы как будто видим и две современности: современность внешнего и современность внутреннего. Мы, кажется, Достаточно сказали об одной (первой): ее удел исчезнуть; говорить об ней больше нечего. Обратив же внимание на другую, субстанциальную (сущную) современность, на то внутреннее, которое еще только что переходит во внешнее, возьмем противоречия, возникающие на пути этого внутреннего — не в случайном их значении — и постараемся высказать в опровержении это внутреннее, это современное, сущное, еще не перешедшее в действительность содержание. — Может быть, покажется странным, что мы с

такой важной точки зрения смотрим на литературу, но из всей брошюрки нашей, мы надемся, будет видно, какое важное значение имеет эта деятельность духа. — Мы далеки от притязания высказать и определить в этой маленькой брошюрке всю современную сущность литературную (у нас и намерения этого не было), но слова наши, по крайней мере, выходят из духа этой сущности, этого внутреннего.

Вот что представляется нам прежде всего при первом взгляде на нашу литературу.

На деле, как за тридцать лет, французское направление было у нас в полной еще силе. Расин и Вольтер переводились александрийскими стихами, и перевод французской трагедии считался еще литературною заслугою, дающею право на почетное место. Мы были в странном, напряженном состоянии, мы подчиняли свою, только еще юнеющую, свежую жизнь неестественным правилам гнилого французского классицизма, тогда как в Германии уже давно пробудилась истинно народная жизнь, когда она праздновала освобождение свое великими явлениями, возникавшими из недр ее собственных сил; тогда как Шиллер не только начал, но и совершил свое поприще, когда Гете был уже не юношей, не Аполлоном Бельведерским, но Юпитером Олимпийским. — Жуковский, истинное эстетическое чувство которого поняло поэзию Германии, первый стал переводить нам в своих прекрасных переводах стихотворения Гете, Шиллера, Уланда и др. — В это же время познакомил он нас и с поэзией Англии. — Это составило эпоху в нашей литературе: французское влияние ослабело; румяны и белилы (и все прикрасы) померкли перед блеском истинной жизни (прекрасной красоты). — Явился Пушкин, великий поэт народный; все было увлечено им, всякая строка его, повторяясь, доходила до отдаленнейших стран необъятной России; это довершило начатое; с появлением его кончилось влияние французского классицизма, тем более что французы сами уже устали от него, им захотелось чего-нибудь нового. — 18 век кончил свое существование кровавым самоубийством; с ним вместе кинуты были вычурность, манерности, натянутость. Наполеон, деятель новый, провел французов за собой по трем частям света среди славных побед и славных несчастий. Все эти происшествия отгородили резко французов XIX века от века предыдущего. Тоненькая шпага, кафтан и парик искаженного классицизма не могли пленять их более. Вокруг них в Англии и Германии давно уже развивалось свободно искусство, и французы познакомились с настоящим европейским направлением литературы и бросились в романтизм, который есть точно дальнейшая и крайняя ступень искусства, о чем говорить подробнее здесь не место. Французы не поняли Романтизма; они схватили только его внешнюю сторону, внешнюю его разницу от других форм искусства, что одно бросилось им в глаза; им показались очень эффективны растрепанные волосы, бледное лицо, кинжал, яд, кровь и прочие всевозможные ужасы; — вся эта сторона естественно являлась, выходила в произведениях чисто художественных и не оскорбляла эстетического чувства, но у французов, которые только и ухватили одну эту сторону, стала она только романтическим (отвлеченным) эффектом. И Боже мой, как они преувеличили и умножили новыми собственными изобретениями романтические ужасы; чего не выдумали они, чтобы как-нибудь произвести судорожное впечатление в читателе. Целая туча повестей, романов и драм поднялась над Францией; эффекты были всех родов, мастерски придуманные и устроенные, и юная французская литература произвела сильное впечатление почти на всю Европу. — Разумеется, что люди, от души кричавшие о французской литературе, не имели истинно эстетического чувства и принадлежали к преходящей толпе, которой, разумеется, доступнее истинных произведений искусства громкие фразы Ламартина и Барбье, эффективные балаганные драмы В. Гюго и А. Дюма, сальность описаний Жакоба Библиофила и различные тур-де-алюры остальных французских писателей, возбуждающие в людях, озаренных истинным чувством изящного, одно омерзение. Были такие, которые уже не находили удовольствия в чтении произведений самой французской литературы, бросали с ужасом книгу, не понимая, как можно наслаждаться тем, что производит в них содрогание; но люди такого рода, разумеется, стоя

несравненно выше поклонников Франции, ясно между тем выказывали в себе еще детское, робкое чувство, которое может испугаться святочной маски, страшно размазанной. Люди, наконец, с чувством более образованным, видели ясно, что все ужасы французской литературы – поддельные, кинжал – жестяной, усы – накладные, морщины, проведенные горем и мыслию, – нарисованные. Все, что может произвести в таких людях (с чувством эстетическим истинно образованным) вся толпа растрепанных этих произведений, – так это даже не ужас, а только жалкую улыбку или раздражение, справедливое негодование (последнее особенно при виде влияния их на, иногда, многих людей).

Есть произведения в области искусства, которые растерзывают душу, наводят на нее ужас, отравляют покой, но нужно, чтобы эти произведения были по крайней мере поэтические, чтобы они были плодом незрелого, но истинного таланта, нужно, чтобы они были результатом внутренней борьбы, внутренней разорванности, чтобы в них разрешалось тяжкое мучение их творца, стремящегося, по своей художественной природе, выразить его в образах; здесь нужно Шиллера (т. е. в его первых произведениях) или Байрона. Между тем, откуда происходит все направление, вся оригинальность теперешних произведений во Франции? Причина чисто внешняя – это костюм, который в моде, и больше ничего; а так как мода есть идол толпы, то потому французский романтизм и имел сильное влияние вообще в Европе, следовательно, и у нас. – И вот в России французское влияние классическое заменилось французским влиянием романтическим; толпа, как и везде, протрубила имена Бальзака, Виктора Гюго, Жорж Занд и проч. и пр. и пр. – их много, этих Господ французских поэтов; не все, впрочем, кинулись на ужасное в романтизме, нет, некоторые схватили и другие его внешние стороны: так, г. Ламартин развивает сентиментальность, г. де-Винья хлопчет о простоте, а остальные (как мы говорили прежде) схватились за то, что эффективнее и легче, – за ужас. Влияние французского романтизма у нас и до сих пор продолжается довольно сильно, особенно в среднем поколении: люди, к нему принадлежащие, восхищаются писателями юной литературы, как отцы их восхищались Корнелем и Расином. Люди молодые большею частию не подходят под эту категорию¹; благое знание Германии – предмет их внимания, их изучения; истинно художественное – и предмет их эстетического наслаждения.

¹ Направление их не односторонне, они не сделались немцами, но из рук немцев принимают просвещение, которое вместе с этим дает им чувствовать все значение, всю необходимость истинно народного. Люди с нынешним так называемым немецким направлением не стыдятся, не отрекаются быть русскими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.